

В.Розанов

**О подразумеваемом смысле
нашей монархии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Розанов**
О подразумеваемом смысле нашей монархии / В.Розанов – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 88 с.

ISBN 978-5-458-10530-9

ISBN 978-5-458-10530-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мотивомъ, ближайше толкнувшимъ меня написать это разсужденіе, были два «отношенія», попавшія мнѣ подъ руку во время службы въ Государственномъ Контролѣ, въ его Департаментѣ желѣзнодорожной отчетности: одно—о двухъ погашенныхъ (перечеркнутыхъ) герб. маркахъ, обѣ стоимостью въ 1 р. 60 коп., за подписью начальника отдѣла Генеральнаго Штаба, и—другое, Высочайше скрѣпленное, о покупкѣ нѣсколькихъ сажень земли для расширенія склада каменнаго угля Николаевскою жел. дорогою, тогда находившеюся во владѣніи Главнаго Общества Россійскихъ жел. дорогъ. Я, въ составѣ другихъ чиновниковъ, ревизовалъ расходы Главн. Общ. Росс. ж. дор.,—относимые на облигаціонный капиталъ, по коему приплаты, въ случаѣ недовыручки, производились изъ средствъ казны. Было злоупотребленіемъ самое существованіе этого Гл. Общ. росс. ж. д.; была болѣе, нежели только странною, передача ему-же, частному обществу предпринимателей, доходной и на средства казны построенной Николаевской

линіи; наконецъ, когда произошелъ выкупъ, то казна оказалась вынужденною переплатить около четырехъ милліоновъ сверхъ стоимости, представленной въ договорѣ, въ силу одной перестановки словъ въ его текстѣ, каковая перестановка была испрошена Гл. Обществомъ, и когда производилась, то никто не могъ предвидѣть ея значенія. Въ силу этой перестановки такой-то «процентъ отчисленія» сталъ относиться не къ данной суммѣ, какъ первоначально было, а совсѣмъ къ другой, гораздо бѣльшей. Я передаю смыслъ: тогда это мѣсто договора, синтаксически очень сложное, читалось съ изумленіемъ всѣми чиновниками контроля;— всѣ съ изумленіемъ видѣли, что какъ будто нѣтъ разницы, сказать-ли такъ, или—этакъ. Отъ этого «и согласились» въ свое время. Но авторы проекта перемѣны «знали, въ чемъ штука», и теперь при выкупѣ потребовали приплаты въ четыре милліона, которые, съ изумленіемъ и негодованіемъ, но всетаки уплатили Главному Обществу. Между тѣмъ годовой бюджетъ всего Госуд. Контроля въ Россіи равнялся (въ 1894 г.) именно 4.500,000 руб., т. е. Обществу хищниковъ сразу было выплачено, по чиновническому недосмотру, столько, сколько въ годъ получали жалованья всѣ контрольные чиновники во всей Россіи!!

Мелочи—видимъ, ушли въ нихъ съ головою! большаго—не видимъ, не замѣчаемъ, не обдумы-

ваемъ даже. Ибо мелочей—такое количество, что еще раньше, нежели ихъ «всѣ пересмотрѣть», чело-вѣкъ, служащіе, чиновники, большіе чины, наконецъ огромные чины и даже все «правительство» положительно мертвы отъ усталости!! Мертвы—и не видятъ, не осязаютъ, если даже вся Россія «зава-ливается съ того боку»...

Это—крушеніе страны; «совершенно честное» крушеніе, наконецъ «въ высшей степени трудолю-бивое крушенье»—отъ недостатка собственно **метода.**

Методъ этотъ ввелъ **Сперанскій**. Онъ именуется «чиновничествомъ» или «бюрократією». Методъ этотъ—не русскій; просто—это методъ всей новой Европы, новой европейской государственности. Въ ту пору, въ 1894 г., онъ сдѣлался для меня какъ-бы кошмаромъ, о которомъ я денно и ночью думалъ. Всѣ въ обществѣ и печати за-няты были *чиновниками*, тогда какъ надо было под-нять вопросъ о *чиновничествѣ*. Чтò такое? откуда? вѣчно-ли необходимо? Были-ли чиновники въ Римѣ? въ монархіи Карла Великаго, теперь—въ Англіи? Если нѣтъ, то чѣмъ они замѣнялись и какъ шло все дѣло, какъ совершалось управленіе страной? Туча вопросовъ... Гнались, съ дубиной и насмѣш-кой, за злоупотреблявшими чиновниками, тогда

какъ въ выкупѣ дорогъ переплатили 4 милліона не отъ злоупотребленія, а отъ того, что всѣ чиновники полегли какъ мертвые отъ усталости, «погашая двѣ марки въ 1 р. 60 коп.»!! Дѣло — въ *методъ*, а не въ *воровствѣ*. Дѣло — именно въ мелочахъ, въ подробностяхъ; и въ томъ, что — ни времени, ни отдыха, ни глаза, ни ума не остается для громаднаго! для самаго большаго! отъ чего все зависитъ!!

Представьте себѣ 1.000,000 муравьевъ, и дайте имъ задачу — построить Эйфелеву башню.

Они будутъ все также бѣгать; носить соломинки; перетаскивать бѣленькія яички. Но, очевидно, никогда не выстроитъ имъ Эйфелевой башни!

«Эйфелева башня» — государственность въ исторіи. Эта, положимъ, «громада межъ тремя океанами», наша Россія. Кто-же ее строить?

Убийственный отвѣтъ: — никто!!

«Живется», «можется», «терпится», — и еще сотня бытовыхъ поговорокъ, которыми можно отмахиваться, когда дѣло идетъ о телѣгѣ или курной избѣ, но не когда дѣло идетъ о Россіи! Да и не объ ней одной: это — положеніе всѣхъ государствъ въ Европѣ! «Крадутъ» — и, конечно, плохо; но когда не «крадутъ», — то лишь немногимъ лучше: ибо разваливается все, крушится естественной старостью, естественной слабостью. Все крушится, ибо идеи цѣлостнаго — нѣтъ ни у кого.

До известной степени,—она есть у людей, стоящих въ сторонѣ и не принимающихъ въ строительствѣ никакого участія; у людей частныхъ. Мысли, меня занимавшія (и здѣсь изложенныя), никому рѣшительно не приходили на умъ, и всего менѣе—Тертію Ивановичу Филиппову (государственный контролеръ), задыхавшемуся каждую среду отъ «пріема» человѣкъ 100 «по дѣламъ службы», а ежедневно тоже отъ «докладовъ своихъ чиновниковъ» по дѣламъ также «службы». «Службы» такъ много, что рѣшительно у всѣхъ ускользаетъ изъ глазъ, что «она вообще не нужна». Т. е. эта служба, состоящая въ «докладахъ» и «пріемахъ» и «погашеніяхъ двухъ гербовыхъ марокъ». Могло это придти на умъ «человѣку въ сторонѣ», который немножко какъ Аббадонна «служилъ и проклиналъ»!.. Тогда вдругъ становилось ясно, что «міръ не такъ устроенъ»,—вотъ этотъ «служебный міръ». Ну,—а какъ?

У меня нѣтъ отвѣта. Ни у кого нѣтъ отвѣта.

*
* * *

Мнѣ было совершенно ясно, что вопросъ—не въ порицаніяхъ бюрократіи, а въ отвѣтѣ, чѣмъ ее замѣнить. Пока не найдено, чѣмъ—терпи тѣ, чтѣ есть: это ужъ было простой честностью въ положеніи. Помню, я очень работалъ тогда мыслью

надъ іезуитскимъ орденомъ: умѣеть же онъ достигать своихъ цѣлей? Въ сущности, и 4 потерянныхъ милліона, и двѣ марки на полисахъ въ Узунъ-Ада, были пустяки: важно было, что государственность вообще не достигаетъ своихъ цѣлей, не осуществляетъ свои задачи, какъ вотъ, напр., умѣеть же осуществлять свои задачи іезуитскій орденъ. И тогда,—какъ онъ устроенъ? Почему достигаетъ онъ, а не мы?

Иногда мнѣ казалось, что вопросъ—не столько въ бюрократіи, въ этомъ сонмѣ чиновниковъ, а въ томъ, какъ она поставлена? Мнѣ казалось, что она имѣеть неправильное положеніе въ государствѣ, странѣ, отечествѣ. Мнѣ она казалась недостаточно свободною въ выборѣ средствъ; и, съ другой стороны,—слишкомъ свободною въ постановкѣ цѣлей. Мнѣ казалось необходимымъ совершенно отдѣлить цѣли отъ средствъ: бросивъ всѣ средства—бюрократіи, а цѣли—сосредоточивъ въ свободномъ, неизмѣримо вознесенномъ, лицѣ Монарха. Этотъ послѣдній, какъ я комбинирувалъ въ себѣ,—есть стражъ горизонтовъ, такъ сказать—міровой компасъ корабля-исторіи. А бюрократія около него—кочегары, плотники, механики, матросы. Они—даже и не заглядываютъ «на мостикъ»; а онъ—никогда не спускается «съ мостика». Теперь—все смѣшано: его зовутъ внизъ, «въ машину»; и совлеченный туда—

онъ вовсе опускаетъ изъ виду, опять отъ усталости и недостатка времени,—ходъ и направленіе корабля. Въ силу этого смѣшенія функцій, корабль (исторія)—никакъ не идетъ, или идетъ «Богъ знаетъ куда».

Сравнивалъ я также частную дѣятельность, частную предприимчивость съ государственностью: первая, какъ извѣстно, всегда удачнѣе, по крайней мѣрѣ, дѣятельнѣе, энергичнѣе, страстнѣе, чѣмъ вторая. Въ чемъ тутъ дѣло? Личный барышъ, личная заинтересованность, притомъ въ достиженіи результата, а не заинтересованность только «въ отличномъ ходѣ» и «блестящемъ видѣ». Это — одно. Второе: всякій служащій въ «частномъ дѣлѣ» сейчасъ выбрасывается вонъ, какъ только перестаетъ служить «дѣлу», а служитъ «себѣ», обращая въ свое орудіе «дѣло». Въ государствѣ совершенно наоборотъ: 99 изъ 100 чиновниковъ служатъ «себѣ», а «дѣлу» отдаютъ лишь формально-неизбѣжное, отдаютъ лѣнливую и бездарную работу, а не стараніе и талантъ. Вся чиновная работа вообще бездарна, бездарна по существу и принципу; она вся лѣнлива, формальна, бездушна. И отъ того, что всякій «опредѣленный на мѣсто чиновникъ» въ сущности вообще несмѣщаемъ, если только онъ грубо и опять же формально не совершилъ вины или преступленія. Но онъ «преступленія» не совершаетъ, но

ничего и не дѣлаетъ. Такой-то солдатъ, положимъ, не «дезертиръ», но зато онъ «не стрѣляетъ». Тогда—арміи нѣтъ. Вотъ такъ и чиновничество: въ 99 процентахъ оно съ одной стороны есть, а съ другой стороны—его нѣтъ: и государство, при огромной видимости, существуетъ почти фиктивно, существуетъ миньютюрно. Собственно вся страна разслоилась на обывательство и чиновничество,—причемъ «чиновничество» приобрѣло всѣ качества «обывательщины»-же, но только въ мундирѣ, съ свѣтлыми пуговицами, и на содержаніи у тѣхъ подлинныхъ обывателей. Обыватели привилегированные — вотъ чиновники; не чиновники — это обыватели безъ привилегій.

Средство противъ этого есть: обратить 99⁰/₁₀₀ чиновничества въ «служащихъ по найму» и смѣщаемыхъ безъ всякаго проступка, просто за недостаточную энергію и талантъ работы, какъ всякій рабочій. Тогда «чиновничество» съузилось бы до немногихъ сотенъ «управляющихъ»,—вмѣсто теперешнихъ десятковъ тысячъ «служащихъ», т. е. «по утру сидящихъ на казенномъ стулѣ».

*
*   *
*

Я передаю свои мысли тогда... Замѣчу, что «чиновника» не устранила и Г. Дума. «Все осталось по старому»: послѣ 17-го октября соверша-

еть государственную работу все тотъ же сѣрый, тусклый «письмоводитель» и «столоначальникъ», до котораго Дума никогда не сможетъ коснуться, для коего она не имѣетъ ни щупалець, ни щипцовъ. «Чиновникъ» вообще существо метафизическое; это—совершенно серьезно; онъ «Асмодей» и «демонъ», гораздо значительнѣе и волшебнѣе, чѣмъ какого пѣль дворянинъ и гусарь Лермонтовъ.

Но оставимъ... Пусть читатель читаетъ самую статью.

Не смотря на то, что 1895 г. далеко не былъ «монархическимъ» въ печати и обществѣ, — не смотря на то, что въ статьѣ моей принципъ «монархизма» ставился такъ высоко, точнѣе—такъ религиозно, какъ онъ не ставился никогда у насъ со временъ первыхъ славянофиловъ, — статья моя была признана «вредною»; и уже сверстанная и готовая къ разсылкѣ подписчикамъ июльская книжка «Русскаго Вѣстника» (за 1895 г.) была арестована. Тогда я отправился и имѣлъ первое свиданіе съ Конст. Петр. Побѣдоносцевымъ, — который меня зналъ черезъ С. А. Рачинскаго (автора «Сельской школы»), его друга «на ты». Черезъ дежурнаго чиновника я послалъ П—ву книжку «Русск. Вѣстн.» со статьею, и съ объясненіемъ, что она вырѣзана явно по какому-то недоразумѣнію, которое желательно-бы разсѣять и устранить. П—въ не выхо-

дилъ съ часъ: статья имъ была вся прочитана, не исключая и примѣчаній, — и при печатаніи здѣсь я отмѣтилъ черною линейкой съ боку мѣста, гдѣ онъ отчеркнулъ синимъ карандашемъ мѣста, о которыхъ намѣренъ былъ говорить. Вся его бесѣда была — какъ стараго профессора (на немъ и черныи сюртукъ былъ не первой свѣжести), — съ исключительнымъ интересомъ къ темѣ, къ предмету, — безъ всякаго оттѣнка «министерства». Ни въ комъ я не встрѣчалъ такъ мало чиновника: П—въ былъ совершенно частный человекъ. Вѣроятно, такимъ помнятъ его и всѣ знакомые. Въ особенности его заняла мысль о безсиліи государственнаго механизма (бюрократіи), — который въ статьѣ я сравнивалъ съ опрокинутымъ паровозомъ, у котораго колеса еще вертятся, машина «идетъ», а самъ паровозъ никуда уже не идетъ. Приводя многія иллюстраціи изъ западной тогдашней жизни, мнѣ неизвѣстныя, — онъ говорилъ, что «всѣ правительства находятся въ отчаянномъ положеніи, такъ-какъ работа, ими производимая, дѣйстви-тельно безплодна для народа, безплодна вообще для чего-нибудь: и кидаются они—туда, сюда, но кидаются все въ той-же плоскости, по которой совершилась уже вся ихъ прежняя работа, громоздя на старыя не везущія учрежденія—министерства, канцеляріи—новыя, но которыя, повторяя въ себѣ тотъ-же духъ, тѣ-же приемы—также